

получите отпущение грехов, как дал вам то апостол всем, которые исповедуются и умрут». Знайте, что эти слова служили большим подкреплением для баронов и пилигримов. Война между франками и греками сделалась ужасной и несколько не утихала; напротив, она усиливалась, и не проходило дня без схватки на сухом пути или на море.

Следует описание отдельных стычек, которые повторялись беспрерывно в течение всей зимы 1203/04 г.; наконец, в 1204 г. крестоносцы решились сделать последний и самый отчаянный приступ со стороны моря в ближайший понедельник.

Год 1204-й. В то же самое время и император Мурзуфл расположился со всем своим войском перед тем местом, на которое был направлен приступ, и раскинул там свои пурпуровые палатки. Так продолжалось дело до самого утра в понедельник, когда все наши на судах, кораблях и галерах явились вооруженными; жители же города чувствовали пынешний раз страх более обыкновенного. Наши чрезвычайно изумлялись тому, что никого не было видно ни на стенах, ни на башнях. Тогда началась изумительный и отчаянный приступ: каждый корабль устремлялся к назначенному ему месту; крики были так велики, что, казалось, земля распадется. Приступ продолжался долго, пока наш Господь не поднял сильного ветра, называемого *Boire*: этот ветер пригнал суда и корабли ближе к берегу, и два корабля, связанные вместе, из которых один назывался «Пилигрим», а другой «Парадиз», подошли к одной башне с двух сторон так близко, что лестница «Пилигрима» достала башню. В ту же минуту один венецианец и один французский рыцарь по имени Андрей из Урбуза, взобрались на башню, а за ними и другие люди; находившиеся же в башне были поражены и бежали.

Рыцари, помещенные на перевозных судах, увидев то, бросились на берег, приставили лестницы к стенам, поднялись наверх силой и овладели другими четырьмя башнями. Вслед за ними начали и другие бросаться с кораблей, судов и галер как ни понало, овладели тремя воротами, вступили в них, пошли далее и прямо поскакали к

ставке императора Мурзуфла. Он же устроил свои полки впереди палаток. Греки, увидев перед собой всадников на лошадях, смешались, и сам император бежал по улицам во дворец Буколсон (в противоположной стороне города, на берегу Пропонтиды). При этом вы увидели бы, как наши били греков и овладевали их лошадьми, мулами и прочим имуществом. Убитых и раненных оказалось столько, что им не было ни копца, ни меры. Большая часть знатных греков бросилась к воротам Влахерны; настал уже вечер, и наши, утомившись борьбой и избиванием войск императора, пачали собираться на большой площади, находившейся внутри Константинополя. Они решились расположиться вблизи степ и башен, которыми они овладели, и никак не думали, что им удастся завоевать город ранее месяца: так много было в Константинополе церквей, дворцов и парода. Все было сделано сообразно с тем решением.

Таким образом, они расположились перед степами и башнями в виду своих кораблей. Граф Балдуин Фламандский поместился в пурпуровой ставке императора Мурзуфла, которую он оставил в порядке, а брат его Генрих стал перед дворцом Влахерны. Бонифаций, маркиз Монферратский и его люди расположились в ближайшем квартале города. Таким образом была размещена вся армия, как вы то слышали, и Константинополь был взят в понедельник после Вербного воскресенья (*le lundi de Pasque florie*). Людовик, граф Блоа и Шартра, томился всю зиму четырехдневной лихорадкой и не мог участвовать в осаде. Знайте, что это обстоятельство причинило большой ущерб армии, так как он был отличный рыцарь и пролежал больным на корабле. В эту ночь войско, чрезвычайно утомленное, отдохнуло. Но император Мурзуфл не отдыхал: он созвал всех своих людей и объявил, что идет напасть на франков; но он не сделал так, как сказал, и самыми отдаленными от армии улицами прибыл к Золотым воротам и бежал из города. И за ним бежали все, кто мог; и о всем этом ничего не знала армия.

В эту ночь перед ставкой Бонифация, маркиза Монферратского, не знаю кто, из